

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.А. Соллертинский

**Одна из забываемых
христианских добродетелей:
слово в день Благовещения
Пресвятой Богородицы**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1899. № 5. С. 995-1003.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Одна изъ забываемыхъ христіанскихъ добродѣтелей ¹⁾).

(Слово въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы).

ПРИЗЫВАЯ своихъ слушателей къ тому же самому, къ чему Архангелъ призывалъ Царицу небесную, одинъ изъ нашихъ великихъ святителей-подвижниковъ объяснялъ при этомъ, что теперь несравненно легче воскипѣтъ радостію, чѣмъ въ то время, когда Божій архистратигъ, представши предъ Дѣвой безневѣстной, воскликнулъ ей: радуйся Благодатная Господь съ тобою. И дѣйствительно, настоящая причина, почему Благовѣщенію нужно радоваться, теперь уже не закрыта, какъ тогда, никакой завѣсой. Не въ будущемъ ея сбытіе, но она уже объявилась многія сотни лѣтъ тому назадъ. Не предвѣщается лишь Пр. Дѣвѣ Маріи, что отъ нея произыдетъ Спаситель міра; но Онъ уже родился отъ нея. И не только родился, но просвѣтилъ, искупилъ и спасъ насъ. И стало ясно, что Благовѣщеніе есть не обрадованіе только Пр. Дѣвы Маріи, но и начало-главизна всего нашего спасенія. А милосердію Божію было благоугодно, чтобы разумѣніе объ этомъ не обошло мимо нашего отечества. Нашъ простой—нерѣдко темный народъ едва ли не во всѣхъ уголкахъ нашей широко раскинувшейся отчизны Благовѣщеніе считаетъ праздникомъ, который по важности слѣдуетъ прямо за Свѣтлымъ Воскресеніемъ и Рождествомъ Христовымъ. Едва-ли и до сего времени наши православные не стягиваются поголовно въ сей день къ своимъ приходскимъ церквамъ, оставляя въ сторонѣ в. нерѣдкую дальность разстоянія и особенную трудность пути, оставляя дома только

¹⁾ См. „Церк. Вѣстн.“ № 16, стр. 613, примѣчаніе.

дряхлахъ, да самыхъ малыхъ. А предки наши когда еще— съ самыхъ незапамятныхъ временъ живо и твердо выразили, какъ благотворно для рода человѣческаго нынѣ празднуемое событіе, объявивъ, что Благовѣщенія не празднуетъ лишь та коварная птица, которая по преданію принимала злое участіе въ страданіяхъ Спасителя, пригвожденнаго на крестѣ.

Какая же однако радость должна была объять Пр. Богоматерь, когда Гавріиль Архангелъ возвѣстилъ ей, что отъ нея родится Спаситель Христосъ? Пусть въ то время и отъ нея были сокрыты тѣ небесныя заповѣди царствія небеснаго, до которыхъ люди не возвысились и чрезъ двѣ почти тысячи лѣтъ своей хр. жизни и которыя всѣ христіане слышатъ ежедневно во время литургіи. Пусть она еще не получала даже и такого отдаленнаго намека о спасеніи людей чрезъ страданія Христовы, какой она слышала немного спустя отъ Симеона Богопріимца. Пусть нигдѣ она не могла встрѣтить точнаго и яснаго гласа о Воскресеніи Христовомъ, безъ котораго наша вѣра была бы напрасною и надежда—тщетною. Пусть такимъ образомъ завѣса будущаго и отъ нея закрывала *весь* смыслъ архангельскаго гласа благовѣстія. Но съ какихъ однако давнихъ поръ начались божественные предреченія о томъ, что явится на землю Искупитель міра Мессія, и ко времени Благовѣщенія сдѣлались они извѣстными даже и язычникамъ, будучи въ еврейскомъ народѣ на устахъ у каждаго. Насколько опять къ этому времени все извратилось— испортилось на землѣ, и внимательнымъ было видно тогда, что безъ посѣщенія свыше на землѣ могъ быть лишь потопъ, или всеистребляющій джупель; и всѣ— всѣ евреи сколько увѣренно, столько же напряженно съ часу на часъ ожидали рожденія Мессіи отъ какой-либо избранной жены рода и дома Давидова? Наконецъ лучшимъ людямъ того времени возможно было понимать, что рожденіе Мессіи непременно должно быть высшимъ, что, какъ говорилъ Архангелъ, Искупителю подобаешь явиться—родиться непременно *святымъ*, что при рожденіи обыкновенномъ и онъ, какъ потомокъ согрѣшившихъ, какъ объятый грѣхомъ отъ самаго начала существованія,—и Онъ не могъ бы спасать другихъ. А послѣ всего этого можно ли было не разумѣть какое несравненное величіе ниспосылаетъ Сильный той изъ женъ, которой опредѣлено было свято произвести отъ себя по плоти Искупителя, такъ давно ожидаемаго и такъ живо чаемаго? Пр. Дѣва это все разумѣла: что со-

творилъ ей Сильный величіе и что ее ублажать вси роди— всѣ поколѣнія христіанъ; это она прямо и торжественно выразила предъ матерію Предтечи въ благоговѣйной молитвѣ, которую мы постоянно слышимъ въ храмѣ. Она подлинно разумѣла сіе. Однако не радость торжества превозвышенной надъ всѣми—не то, что надо было ожидать, проходить въ ея отвѣтъ на благую вѣсть архангела. Напротивъ—скрывая свою славу въ сердцѣ своемъ, въ этомъ отвѣтъ она подаетъ намъ сколько неожиданный, столько же великій—истинно христіанскій урокъ **смиренія**. Ей Богъ судилъ вышехерувимское величіе, но извѣщаемая о семъ помнитъ заставляеть она себя больше и прежде о томъ, что она есть *раба* Господня. Она провидитъ всю важность предвозвѣщаемого ей блага для *всего* рода человѣческаго; но о себѣ говоритъ она лишь только то и такъ, что вотъ Господь призрѣлъ на смиреніе рабы своея. Еще не была провозглашена хр. заповѣдь: всякъ смиряяй себе вознесетъ; но она даже въ самомъ ея превозношеніи являетъ себя смиренною, и такимъ образомъ воистину есть *мать* того по плоти отъ нея рожденнаго и ею воспитаннаго Сына, который унижилъ Себя до человѣческаго зрака, жилъ не имѣя, гдѣ главы приклонить, омылъ ноги Своимъ ученикамъ, смирилъ Себя до смерти крестной и кротостію Своею обезоружилъ зло въ душѣ висѣвшаго съ Нимъ разбойника.

Смиреніе... добродѣтель, да еще великая добродѣтель! Но такимъ ли оно представлялось умнымъ людямъ до христіанства? Два копья, поставленныхъ на землю другъ противъ друга, на нихъ положено третіе, такъ что образуются какъ бы врата, и сквозь эти врата проходятъ побѣжденные въ знакъ того, что они побѣждены—вотъ какъ отзывался о хр. смиреніи язычникъ и удивлялся, какъ возможно проповѣдывать о такой добродѣтели, а не стыдиться ея. Скажутъ: то вѣдь язычникъ, хотя бы и высокообразованный. Однако и въ самомъ хр. мірѣ сказывается ли оно добродѣтелию для меча, который воображаетъ, что нѣтъ въ мірѣ такого сокровища, котораго бы онъ не могъ взять своей силой, и вотъ въ этой его силѣ всѣ права заключаются? Писано ли смиреніе для злата—которое какъ булатъ, а теперь болѣе чѣмъ булатъ, увѣрено въ томъ, что купить можно все, и въ златѣ всѣ блага и права сокрыты—заключены? Законъ-ли оно для молодости—для которой оно кажется чѣмъ-то малодушнымъ, или притворнымъ лицемѣрнымъ, или же хилымъ-юродивымъ? Принимаетъ ли его

и мужескій возрастъ—который хотя и знает истинную—не великую цѣну этой безумной отвагѣ и самоувѣренности, кажущимся выше всего для юношества, понимаетъ, что лучше и нужно быть осторожнымъ, безъ мѣры не довѣрять себѣ и не смотрѣть на себя черезъ чуръ высоко; а все же таки принимаетъ смиреніе для выгоды, но не по христіанству, и поэтому главное изъ него выпускаетъ, оставляетъ же отъ него одну только видимость, и нѣтъ въ душѣ этой силы, которая заставляеть помнить, что надо мной есть и стоитъ Высшее, что безъ Бога я не безопасенъ ни на одну минуту, ни отъ злаго человѣка, ни отъ змѣи, этого вотъ бревна, камня и т. д., которые могутъ меня пришибить на дорогѣ, отъ этой заразы, на которую я могу натолкнуться, отъ этого яда, который я могу выпить по ошибкѣ; а главное—нѣтъ въ душѣ той силы, которая заставляеть тебя помнить, что не только безъ помощи Божіей добрымъ и праведнымъ тебѣ не содѣлаться; но если бы ты и достигъ полной святости, не твоя она есть, но образа Божія, который данъ тебѣ при сотвореніи. Вотъ такое христіанское смиреніе, кромѣ праведниковъ, встрѣчается развѣ лишь среди тѣхъ, силы которыхъ замѣтно убываютъ, которые самымъ возрастомъ своимъ вынуждены смотрѣть больше на конецъ земной своей жизни, которые прожили уже всѣ обманы, навѣваемые человѣку его умомъ—искусствомъ—умѣньемъ, да и въ опытахъ замѣчаютъ примѣры все слабости человѣческой. Эти неспорно понимаютъ Апостола, который спрашиваетъ: что ты имѣешь (такого), чего бы не получилъ (отъ Бога т. е.)? А если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ (а самъ досталъ 1 Кор. 4, 7)? Эти чувствуютъ истину Соломонова: мерзость предъ Господомъ всякій надменный сердцемъ (Прит. XVI, 15). Эти готовно принимаютъ слово, слышимое и въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ: Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. Эти наконецъ не наружно только подчиняются заповѣди брата Господня: смиритеся предъ Господомъ и вознесетъ васъ (Іак. IV, 10). Что же касается до всѣхъ насъ остальныхъ, то какъ будто самое время и всѣ облегающія обстоятельства и условія нашей жизни заставляють насъ знать и показывать, что мы больше знаемъ цѣну себѣ, чѣмъ свое недостоинство, какъ будто заставляють принимать иногда на себя смиренство—приниженіе предъ сильнымъ для снисканія отъ него милости, предъ врагомъ—для уловленія его, предъ людьми—чтобы не осудили насъ въ

ребяческомъ самомнѣніи; но истинное, христіанское смиреніе — оно для живущихъ на міру, житейскихъ людей кажется тѣмъ, что не доставляетъ, а отнимаетъ силу, удѣломъ слабыхъ людей, которые при своемъ ничтожествѣ могутъ рассчитывать только на жалостливость другихъ, и если бы ее не было, имъ некуда было дѣваться. Что это за сила?

Спроси, отвѣчу я, прежде всего у пр. Ефрема Сирина, который говоритъ, что оно есть источникъ всѣхъ благъ и продолжаетъ такъ: «Смиреніе содѣлало Авраама другомъ Божиимъ. Исаака смиреніе спасло отъ жертвеннаго закланія, Иакова содѣлало наслѣдникомъ благословеній, Иосифу даровало царство, Моисея увѣнчало сіяніемъ, Аарону дало первосвященство, Давиду — царство, Гедеону — побѣду, Илію восхитило на небо, Іону извлекло изъ моря, Даніила — изо рва «львинаго». А дальше сила, или безсиліе было смиреніе для первыхъ христіанъ, когда оно, какъ стражъ, предупреждало всѣ соблазны, спасло ихъ отъ всякаго уклоненія на кривой путь и открыло двери въ царствіе небесное? Да, они были бѣдны, и поэтому ихъ не могъ не манить путь легкой наживы, а если эта ржавчина не имѣла возможности пробраться въ душу, ихъ навѣрно должно было искушать благополучіе окружающихъ, котораго вдобавокъ эти не заслуживали. Но Христось насадилъ въ нихъ смиреніе — Христось не имѣвшій крова и пристанища. А потому и бѣдность не хищныя вожделѣнія вызывала въ нихъ, или зависть, ненависть какую; но самъ Іовъ чрезъ смиреніе спасшій свою душу въ дни полной утраты всѣхъ своихъ богатствъ, самъ этотъ страдалецъ, воспоминавшій во время своего обнищанія еще большую наготу во время своего рожденія, — могъ учиться у нихъ той радости, которою они радовались, благодаря Господа за то, что, не поставивъ ихъ на путь искушенія — богатствомъ, поставилъ ихъ въ такое состояніе, находясь въ которомъ — въ бѣдности, невольно видишь, что другой опоры, какъ жить по Божьей правдѣ, человѣку тутъ не отыскать — ни злату, ни блеску, ни славѣ, словомъ ничему кромѣ правды мѣста здѣсь нѣтъ. Они были богаты, и могли жить въ роскоши, утопать въ пиршествахъ, наслаждаться общимъ уваженіемъ, встрѣчать почетъ и честь и снискивать одобреніе даже за слова свои неумныя. Но Господь насадилъ въ нихъ смиреніе; и поэтому они хорошо умѣли помнить, что величіе, создаваемое богатствомъ, всегда искушаетъ бросить заботы о величіи души, — которой однако не приобрѣтешь ни

за какія драгоцѣнности міра сего; поэтому они не только, начиная съ ап. Варнавы, находили въ себѣ силы жертвовать свои имущества; но нерѣдко рѣшительно и сразу бросали всѣ прелести вкуса, убранствъ, роскоши и т. д. и со своимъ избалованнымъ изнѣженнымъ тѣломъ шли, какъ Марія Египетская, прямо подѣ гладь, зной и холодъ въ пустыню на долготѣннѣй подвигъ молитвенный. Они были гонимы за свою хр. вѣру. И конечно, пока эти гоненія выражались въ насмѣшкахъ надъ христіанствомъ, покой въ ихъ душѣ могъ оставаться неизблѣмымъ безъ всякаго вспомоствованія: вѣрующіе твердо знали, что ихъ вѣра есть святыня, недоступная никакимъ попыткамъ затронуть ея высоту. Но вѣдъ гоненія не ограничивались этими жалкими попытками, и кто не знаетъ, какія самыя страшныя, мучительныя и позорныя казни обрушивались на исповѣдниковъ Христова имени? И гонимымъ естественно было поддаться на соблазнъ воздаянія зломъ за зло, тѣмъ болѣе, что число ихъ возрастало съ поразительной быстротой. Но они воспитали въ себѣ смиреніе Христа — молившагося за осудившихъ и распинавшихъ его. Поэтому они не только нигдѣ — ни въ одномъ уголкѣ вселенной и никогда во все время трехсотлѣтнихъ гоненій не позволили себѣ какой-либо, хотя бы самой малѣйшей злой мести за преслѣдованія; но почти съ самаго начала они умѣли найти въ этихъ злобныхъ отношеніяхъ къ нимъ великую для себя пользу и возвѣстили на поученіе всѣмъ дальнѣйшимъ христіанамъ, что гоненіямъ нужно даже радоваться и радостію полною безъ всякой примѣси скорби. Наконецъ они были *высокоумны* и настолько, насколько можетъ быть высокимъ разумъ тѣхъ, которымъ, кромѣ вдумчивости, пытливости и образованія ихъ самихъ, сугубо помогала еще благодать Божія — Св. Духа. Но они были смиренны, и потому Петръ, которому Богъ простилъ отреченіе и снова призвалъ быть пастыремъ, плачетъ и сокрушается о своемъ грѣхѣ до конца жизни; а Павелъ, писанія котораго длинныя сотни лѣтъ вызываютъ такое множество толкованій, который знаетъ и самъ сказалъ, что онъ потрудился больше всѣхъ Апостоловъ, — не смотря на все это объявляетъ себя грѣшнѣйшимъ изъ всѣхъ грѣшниковъ и объявляетъ по глубокой увѣренности въ этомъ, исходившей изъ добраго смиренія, которое не давало ему забыть, что когда то въ іудействѣ онъ былъ гонителемъ христіанства. И вотъ видя все сіе — видя, какъ смиреніе возвышало бѣдныхъ,

умудряло богатыхъ, унижало гонимыхъ и руководило высокоодаренныхъ, мы уже не о томъ спрашиваемъ: сила оно, или безсиліе; но о томъ скорѣе: есть ли сила могущая преизбыточествовать надъ нимъ и сломить его, разъ душа воспріяла его. Это не дивно, что Антоній Великій, увидавши воочию сѣти лукаваго, раскинутыя для уловленія людей, съ боязнію сказалъ: кто же въ силахъ избѣгнуть ихъ; и услышалъ въ отвѣтъ: *смиреномудріе*.

А какъ было раньше, такъ есть и теперь. И теперь смиреніе остается силой, необходимой для человѣка, если онъ хочетъ быть добродѣтельнымъ. Какое другое средство такъ хорошо успѣваетъ удержать соблазнъ воспротивиться заповѣдямъ Божиимъ и, потерявъ страхъ Божій, передаться начальнику тьмы? Опять кто не знаетъ, что въ то время, какъ смиренному думать о себѣ стыдно и противно, гордый не только способенъ заботиться вездѣ и всюду о себѣ одномъ, но этотъ ядъ гордости отравляетъ даже его и добрыя дѣла благодѣленія: потому что здѣсь онъ не другому помогаетъ, но себя тѣшить тѣмъ, что вотъ онъ какой—и другіе отъ него питаются. Опять, если взять противоположный конецъ, только смиреніе въ силахъ достигнуть того, чтобы человѣкъ, преуспѣвшій въ добродѣтели, не опьянѣлъ, какъ павшій духъ, какъ первый человѣкъ, отъ чувствуемой въ себѣ духовной силы и въ горделивомъ опьяненіи не потянулся на гибель свою къ равенію себя съ Тѣмъ, предъ Кѣмъ—смиреніе говорить—онъ есть прахъ и пепель—ничтожество. Но этого мало. Каждый изъ нихъ не только долженъ быть христіаниномъ, но постепенно возрастать все болѣе и болѣе въ своей христіанственности. А въ тоже время каждый изъ насъ по опыту знаетъ, что всѣ мы готовы *преувеличивать* свои подвиги и совершенства. И бываетъ—не по злобѣ, а просто по лѣности часто бываетъ такъ, что мы у себя видимъ все христіанское и все какъ слѣдуетъ; на самомъ же дѣлѣ и тутъ и тамъ—вездѣ въ насъ сокрыта безчисленная масса беззаконія. И кому не видно, что впасть въ такое непониманіе себя, забыться и отдаться сну грѣховному этотъ великій врачъ—смиреніе не позволитъ; при немъ напротивъ христіанинъ скорѣе дастъ себѣ меньшую цѣну; и Антоній Великій истинно думаетъ, что Александрійскій кожевникъ, который одного себя обрекалъ на муку вѣчную за грѣхи, стяжалъ „духовнаго разума“ больше, чѣмъ сколько стяжалъ онъ, проведши всю свою жизнь въ пустынѣ.

Поэтому, какъ бы часто это ни замѣчалось, но думается всетаки, что не видѣть въ христіанскомъ смиреніи драгоценной для насъ силы мы можемъ лишь въ томъ случаѣ, когда мірское земное, укоренившись въ нашей душѣ, нудитъ насъ какъ бы говорить про себя: вѣдь мы не подвижники и отшельники—конечно добродѣтель высока и требуетъ смиренія, но намъ-то нужно прежде всего жить *по разуму*. И надо значить видѣть, что разумъ самъ ищетъ смиренія и требуетъ, чтобы человѣкъ отрекся совсѣмъ отъ гордости—тогда только ему будетъ хорошо. Развѣ, на самомъ дѣлѣ, то не вѣрно, что во всѣхъ рѣшительно дѣлахъ одинаково: пока человѣкъ не вошелъ въ разумъ, онъ и кипитится, и пристрастенъ къ своему мнѣнію и всякую имъ угаданную, выдуманную, состроенную мелочь склоненъ цѣнить ни въсть во что; а какъ скоро дѣло для него уяснилось и въ разумъ онъ вошелъ, онъ сейчасъ же смиряется, и все видятся ему допущенныя имъ ошибки, и все кажется ему, что настоящее разумѣніе далеко еще впереди, и одинъ изъ самыхъ высочайшихъ мудрецовъ сказалъ:—я знаю только то, что ничего не знаю. Умъ человѣка смиреннаго—не занимающагося собой думаетъ только о дѣлѣ; а умъ гордаго долженъ прежде и болѣе всего думать о томъ, чтобы доставить славу своему хозяину. Умъ смиреннаго человѣка, встрѣтивъ указанія допущенныхъ имъ ошибокъ, можетъ только съ радостной готовностію взяться за ихъ исправленіе; а гордаго человѣка эти указанія другихъ не столько образумливаютъ, сколько раздражаютъ и нерѣдко заставляютъ лишь еще болѣе упорствовать въ своемъ заблужденіи. Умъ невоздымающаго цѣну себѣ человѣка прямо склоненъ недовольствоваться дойденными знаніями, понятіями и опытами, постоянно стремиться къ приобрѣтенію все большей и большей мудрости; а гордый въ гордости своей создалъ себѣ прямую и весьма серьезную помѣху къ тому, чтобы идти къ большому разумѣнію; и конечно нельзя сказать, чтобы онъ никогда не двигался дальше; но то неоспоримо, что для того, чтобы рѣшиться пойдти въ развитіи своего ума дальше, ему необходимо признаться, что до сихъ поръ онъ былъ несовершененъ—другими словами: ему нужно свою гордость замѣнить смиреніемъ; и онъ дѣйствительно принимаетъ его, хотя обыкновенно сердится въ это время на него.

Такимъ образомъ знаю я, благочестивый слушатель, что въ нынѣшній вѣкъ великаго перелома въ нашей отечествен-

ной жизни, смиреніе представляется едва ли не тѣмъ же, чѣмъ былъ крестъ для іудеевъ и язычниковъ. Но теперь и ты знаешь, что другое совсѣмъ слышится о немъ отъ *золотого* вѣка первыхъ временъ христіанской исторіи, отъ твоего добраго стремленія къ добродѣтели и отъ противоположащаго страстямъ ума твоего. А ставши на добрую сторону *этихъ* свидѣтелей, ты достойно прославишь Царицу небесную—которая въ одинъ изъ самыхъ радостныхъ дней торжества своего явила тебѣ примѣръ глубокаго смиренія. Къ ней же и воспрями съ сердечной молитвою о томъ, чтобы она укрѣпила тебя въ добромъ, Ей самую воздвигаемомъ подвигѣ, а также и о томъ, чтобы Она подала милосердную Свою помощь всему русскому народу сойти съ чуждаго ему пути на царскій путь христіанскаго смиренія, доблести котораго были прославляемы нашими предками, говорившими, что смиреніе есть Богу угожденіе, уму—просвѣщеніе, и сердцу—спасеніе. Аминь.

Прот. С. Соллертинскій.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки